

ЛитРес:

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА
ДЕТСКОЙ И ПОДРОСТКОВОЙ КНИГИ
В НОМИНАЦИИ «ГЕРОИ ДРУГИХ МИРОВ»

ПОБЕДИТЕЛЬ

КОНКУРС

детской и подростковой
книги

СУЩЕСТВО

■ ВЛАДА ОЛЬХОВСКАЯ

Влада Ольховская
Существо

«Влада Ольховская »

2022

Ольховская В.

Существо / В. Ольховская — «Влада Ольховская », 2022

В семье Авиновых была традиция: когда приемные дети выросли, на воспитание брали новых. И вот однажды в доме появилось Существо. Оно знает, как затаиться, как вызвать жалость, как манипулировать любим, кто попадет на его пути. Существо остается вне подозрений. Только Никита, старший сын Авиновых, догадывается, что Существо не человек. Оно охотится, и, если его не разоблачить, оно расправится со своими новыми опекунами точно так же, как поступило с другими семьями.

© Ольховская В., 2022

© Влада Ольховская , 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Влада Ольховская

Существо

Глава 1

*Они позвали меня.
Дверь открыта, и можно входить.
За дверью – непроглядная тьма.*

Шел третий день апреля, за окном бушевала первая весенняя гроза, а в доме появилось Существо.

Существо было ужасно.

Никита понимал, что у Существа есть имя, и, кажется, это имя уже назвали несколько раз. Но ему сложно было помнить о том, что перед ним человек. Да и потом, Никиту переполнял гнев, и от этого было сложно сосредоточиться.

В *его* дом, в *его* семью притащили какого-то жуткого уродца, не сказав ему ни слова, даже не попытавшись посоветоваться с ним! С таким сложно смириться. Теперь Никита смотрел на это и думал, что иначе как Существом не будет звать его никогда.

Кто-то сказал бы, что ему грех жаловаться, ведь Никита и сам не был родным ребенком в этой семье. Но он провел здесь большую часть жизни! Он пришел сюда зашуганным, дрожащим семилетним пацаном, который в первые месяцы боялся спать без света. Потребовалось десять лет и очень-очень много внимания, чтобы из него вырос нынешний Никита – почти двухметровый, плечистый, ни перед кем не опускающий взгляд.

Поэтому он не сомневался, что это *его* дом. Никита так и не научился называть Авиновых мамой и папой – такие слова до сих пор обжигали его, принося из памяти паршивые воспоминания о его настоящих родителях. Но он любил свою приемную семью! Это была *его* территория, *его* крепость, которую он готов был защищать любой ценой. Теперь он вдруг обнаружил, что опасность оказалась внутри, и он понятия не имел, что с этим делать.

У Григория и Ирины Авиновых был и родной сын, это ни для кого не секрет. Они рано поженились, рано стали родителями и души не чаяли в своем Яшеньке. Но вот Яшенька вырос, укатил жить в другую страну, и большой дом опустел. Если Григорий, уважаемый и талантливый врач, еще мог как-то справляться с этим, то *его* жена, которая всегда была домохозяйкой, – нет. Именно она предложила взять ребенка из приюта, другого смысла жизни она для себя не видела.

Они выбрали Никиту. Они приняли *его*, вылечили, научили доверять, показали *ему*, что есть и другая жизнь, свободная от того кошмара, в котором он жил раньше. Чуть позже они привели в дом Ульяну – и Никите легко было принять *ее* и назвать сестрой, *ему* хотелось вернуть кому-то то добро, которым окружили *его*.

Долгие годы они жили вчетвером, но вот старшие дети начали приближаться к тому рубежу, когда им захочется выпорхнуть из гнезда. Настороженная этим, Ирина решила поселить в доме малышкой. Сначала был Степка, которому уже исполнилось восемь, а потом – Зоя, совсем малышка, да еще и глухая. Но это ничего, не страшно, они привыкали к ней и все равно любили.

Никита никогда не возражал против того, чтобы у него появлялись братья и сестры. Он ценил то, что перед приходом каждого нового ребенка Авиновы разговаривали с ним, старшим сыном, объясняли *ему*, что произойдет, интересовались *его* мнением. Никита был уверен, что

если он откажется, никакого нового ребенка в семье не будет! Поэтому он великодушно согласился, а потом помогал приемным родителям с малышкой.

И вот случилось это.

Нет, кое-что он начал подозревать уже давно, он просто не думал, что Авиновы способны на такую глупость. Пару месяцев назад Ирина начала часто куда-то ездить. Она проболталась, что встречается в приюте с тяжело больной девочкой, для которой решила стать куратором.

Это был тревожный звоночек, однако Никита проигнорировал его. Во-первых, усыновление – штука небыстрая. Во-вторых, в доме уже четверо детей, включая глухую Зою, куда им пятый ребенок, да еще, судя по всему, инвалид? Ну и в-третьих, Никита был убежден, что с ним снова поговорят, если решатся на большие перемены.

Не поговорили. В этот апрельский день Авиновы уехали куда-то ранним утром, а вернулись уже вечером – с Существом.

Оно сидело в инвалидной коляске и казалось Никите бесформенной кучей тряпья. Во многом это впечатление задавало платье-свитер, огромное, мешковатое, почти полностью скрывавшее тело девушки. К тому же, у Существа были очень длинные вороньи волосы, взлохмаченные и неровно подстриженные. Они закрывали и тело, и большую часть лица.

Да оно и к лучшему, потому что именно из-за лица сложно было считать *это* человеком. Через черные пряди Никита мог рассмотреть лишь один огромный темно-карий, почти черный глаз и странную желтушную кожу, висевшую на лице складками и шелушившуюся крупными хлопьями. Судя по тонким пальцам, выглядывавшим из рукавов свитера, такая кожа у Существа была по всему телу. Ящерица, а не человек!

Так что теперь Никита смотрел на Существо и не обращал внимания на щебетание Иры о том, что это сестричка, о которой он должен заботиться. Это не сестричка, это мерзкая дрянь, которую они, как дети малые, притащили с улицы! Никита даже не брался сказать, что злит его больше: то, что с ним не посоветовались, или то, что в его доме, под одной с ним крышей, будет жить такой уродец.

Причем оно, похоже, плохо соображало, что происходит вокруг. Оно пялилось на него этим своим глазом, похожим на переспелую черешню, и даже не пыталось улыбнуться. Никита почувствовал, как у него мурашки идут по коже, и разозлился еще больше. Он давно уже ничего не боялся, и какой-то чешуйчатый карлик не станет исключением!

Об Авиновых он вспомнил, только когда Гриша заявил:

– Как видишь, ей нелегко передвигаться, поэтому ты должен будешь помогать ей...

– Да ни за что на свете! – не выдержал Никита. – Я к этой хрени даже не притронусь!

– Никита! – всплеснула руками Ира. – Как можно?!

– Сын, я тебя не узнаю, – нахмурился Гриша.

– Вот именно, я – сын, а это – питомец, которого вы притащили в дом непонятно для кого! Нельзя отнести эту неведому зверушку к той норе, возле которой вы ее нашли?

За окном громыхнуло, гроза, похоже, была прямо над ними. Дождь с силой хлестал по крыше и по земле вокруг дома, словно и ему было ненавистно Существо, оказавшееся внутри. Ветер бушевал так, что гнулись старые деревья, и становилось ясно, что в такую погоду никто никуда не поедет.

Не важно, значит, отвезут эту калеку обратно утром. Никита был твердо настроен сделать все, чтобы Существо не осталось рядом с его семьей.

А вот у Авиновых было на этот счет другое мнение.

– Сын, нам нужно поговорить, – заявил Гриша.

Никита прекрасно знал этот тон. Его приемный отец был скалой, молчаливым титаном, которого никто и никогда не мог довести до крика. Поэтому раздражение и гнев Григорий Авинов выражал по-другому – вот таким глухим, решительным голосом.

Обычно такие разговоры напрягали Никиту, да и сейчас он чувствовал, что гнев готов его подвести, трусливо сбежать, уступив место страху. Но Никита не поддался, он снова и снова напоминал себе, что правда на его стороне.

– Хорошо, давай поговорим, – кивнул он. – Пора бы, раз этого не сделали раньше!

– Иди в мой кабинет. Я помогу Регине обустроиться и тоже приду.

Ага, значит, Существо звали Региной... Плевать! Никита не собирался запоминать это, потому что не сомневался: надолго оно тут не задержится.

Кабинет Гриши располагался на первом этаже – небольшая уютная комната, оформленная в классическом стиле. Почти всю стену занимало окно, поэтому, устроившись в кресле, Никита мог наблюдать, как гроза с яростью голодного зверя бросается на все вокруг. Ветер вырисовывал на траве волны и водовороты, деревья хрипло стонали, опасаясь, как бы не закончился их век, дождь был тяжелым и гулким, как падающие с небес камни. Глядя на буйство стихии, Никита был вынужден признать, что нечто подобное творилось и у него на душе.

Гриша не заставил себя долго ждать, он решительно вошел в комнату и занял место за столом.

– Ты расстроил мать и оскорбил Регину, – сухо заметил он.

– Тетю Иру мне жаль, но она могла бы догадаться, что так будет – такие сюрпризы не любит никто! А на Существо мне плевать.

– Не называй ее так!

– А разве я не прав? Вы вообще видели, что это такое? Или взяли первое, что вам предложили?

Прежде чем ответить, Гриша сделал глубокий вдох, потом – медленный выдох. Надо же, получается, он в ярости... Такого не случалось уже давно, и никогда раньше эта злость не была направлена на Никиту.

Никите вдруг стало не по себе, он почти пожалел, что начал этот разговор, однако упрямство не позволило ему отступить.

– Тебя оправдывает только то, что раньше ты так себя не вел, – задумчиво произнес Гриша. – Что тебя так задело? Что в доме появился новый ребенок без твоего ведома и одобрения?

– Вот такой я мелочный, – мрачно отозвался Никита.

– Это не мелочь.

– Тогда почему меня проигнорировали? Потому что это все равно ваше решение, а я в этом доме так, приживала?

И снова Гриша не спешил отвечать. Он смотрел на приемного сына оценивающе, долго, и чувствовалось, что он успокаивается.

– Ты не приживала, глупостей не говори. Мы с Ирой знали, что тебя расстроит наше решение, просто не думали, что так сильно. Прежде чем устраивать истерику, послушай, что произошло на самом деле.

– И что же там произошло? – с вызовом поинтересовался Никита.

– Не дерзи, скоро ты поймешь, что неправ. Начнем с того, что мы не удочерили Регину – и не сможем удочерить.

– Почему это?

– Она не хочет быть удочеренной, – пояснил Гриша. – А даже если бы хотела, или если бы мы решили оспаривать ее волю, потому что Регина не совсем здорова, на сбор документов ушли бы долгие годы. Такого времени у нас нет: Регине уже шестнадцать, через два года она станет совершеннолетней.

– Этой фигне еще и шестнадцать? Выглядит лет на десять!

– Никита, следи за языком! – Гриша чуть повысил голос, и стало понятно, что сдерживается он из последних сил. – Мы взяли ее под опеку, и теперь мы отвечаем за нее. Как ты мог

убедиться, Регина – непростой ребенок. Она родилась не совсем здоровой, а неудачные операции, проведенные руками неумелых медиков, усугубили ее состояние. Она страдает врожденной аномалией кожи, она парализована ниже пояса, и ей диагностировали аутизм.

Никите пришлось прикусить язык, чтобы снова не вспылить, но в душе у него даже не гроза гремела – лесной пожар полыхал! Как, как можно было притащить такое Существо в дом с маленькими детьми? Если им хотелось о ком-то заботиться, сосредоточились бы на Зое! Она маленькая, милая, а главное, полноценный человек! Ну а Существо что же? Ни двигаться не может, ни соображать нормально! А если она агрессивная? А если заразная?

Вот только Гриша это не поймет, по глазам видно. Он, конечно, умный мужик, но иногда бывает редкостным ослом. Решил, что раз он врач, да еще и намного старше Никиты, то можно не прислушиваться к мнению приемного сына. Сам себе копает яму, даже не понимая этого!

– Большую часть жизни Регина провела в приютах и больницах, – продолжил Гриша. – Даже когда ее состояние стабилизировалось, желающих удочерить ее не нашлось. Видимо, все, кто встречался на ее пути, думали как ты.

– Значит, это были здравомыслящие люди! – не выдержал Никита.

– Это были жестокие люди. Мир полон их – тебе ли не знать! К тому же, Регину не мог забрать любой желающий. Для того, чтобы заботиться о таком ребенке, среди приемных родителей должен быть минимум один человек с медицинским образованием. Чуть больше года назад такая семья нашлась. Они посвятили себя созданию детского дома семейного типа для особенных детей. В отличие от меня и твоей мамы, они занимались только этим, у них был опыт ухода за детьми с редкими заболеваниями, поэтому им отдали Регину.

– Ну и почему же Существо не с ними?

– Если ты не прекратишь так ее называть, ты будешь наказан, как никогда раньше. Это понятно?

– Понятно, – холодно ответил Никита.

Наверно, Гриша ожидал, что он извинится. Однако извиняться Никите было не за что, он ни на секунду не усомнился в этом.

– Регина прожила с ними год, но недавно произошел страшный несчастный случай, и семейный детский дом был распущен. Дети вернулись в приюты, Регина – в том числе.

Ощущение мороза по коже вернулось. Гриша не сказал, что несчастный случай был связан с Региной, даже не намекнул на это. Однако Никита не мог избавиться от убежденности, что все и так ясно.

Существо прокралось в одну семью, разрушило ее и выбрало следующую жертву!

– Как вы вообще пересеклись с... ней? – спросил Никита.

– Твоя мама, как ты знаешь, курирует благотворительный фонд и часто посещает детские дома, в том числе и для детей с особенностями. Там она и увидела Регину.

– Она мимо пройти не могла?

– Не могла, – отрезал Гриша. – Потому что все остальные уже прошли мимо! Ире сообщили, что Регине очень плохо в приюте. Там не хватает людей и лекарств для правильного ухода за ней. К тому же, другие дети, пусть и страдающие болезнями, боятся Регину и стараются держаться от нее подальше.

– Удивительно, почему же? – саркастично осведомился Никита.

– Не ерничай, причина проста: они еще такие же безмозглые дети, как ты!

– Эй!

– Я не собираюсь игнорировать твои недостатки.

– Мое мнение вы проигнорировали легко!

– Мы не хотели, – указал Гриша. – Ира начала навещать Регину, заботиться о ней. Но ни она, ни я не были уверены, что готовы к такому шагу.

– Вот, здравая мысль же! Что заставило вас передумать?

– Уплотнение в приюте. Туда перевели детей из другого учреждения, места на всех не хватало, и в комнатах стали селить больше воспитанников, чем следовало бы. Это привело к конфликтам, и некоторые дети начали бросаться на Регину из-за ее внешности. А в состоянии Регины любой удар куда опасней, чем просто детская драка. Зная о том, что мы ухаживаем за этой девочкой, директор приюта позвонила нам и рассказала, что происходит. У нас с твоей матерью есть определенная репутация, поэтому для нас процесс упростили. Мы взяли Регину под опеку, но она не удочерена. Только для нас это ничего не меняет, теперь она – член семьи, привыкай!

Они, должно быть, сами себе казались героями. Еще бы, спасли несчастную сиротку от злодеев! Они не видели подвоха, потому что не искали его.

А вот Никита все прекрасно видел. Например, то, что директор приюта могла и соврать им. Не было никакого уплотнения, просто всем осточертело смотреть на эту ящерицу, и они придумали способ избавиться от нее.

Возможно, другие дети действительно бросались на нее, но вряд ли из-за одного лишь уродства. В Существо было что-то неправильное, пугающее на самом примитивном, инстинктивном уровне. От нее хотелось держаться подальше – и уж никак не делить с ней кров!

Однако Никита видел, что объяснять все это Грише бесполезно. Его приемный отец уже заиклился на роли спасителя, он и слушать ничего не станет. Да и потом, толковых аргументов у Никиты не было, ничего, кроме дурного предчувствия. Он уже проиграл, но все еще надеялся пробудить в Грише здравый смысл.

– А где оно... то есть, она будет жить? У нас же сплошь лестницы!

– Мы обустроим для Регины игровую комнату в подвале. Туда она сможет самостоятельно добраться на коляске с улицы, через гараж, и из дома, через кухню. Несмотря на свое состояние, Регина полностью себя обслуживает, и уже за это ее можно уважать!

Уважать ее Никита не собирался, но вынужден был признать, что приемные родители неплохо все продумали. В подвале полноценная комната, там есть ванная с туалетом, есть и съезд для коляски – раньше его использовали, чтобы на тележке перевозить в подвал вещи и игрушки. Все это означало, что Существо может задержаться в их доме на целые годы!

– Мы надеялись, что ты будешь помогать ей, – признал Гриша. – Да, получилось неожиданно, Регину пришлось забирать срочно, и мы даже не успели тебя предупредить. Поверь мне, если бы обстоятельства сложились по-другому, мы бы обязательно посоветовались с тобой!

– А если бы я сказал нет? Если бы я сразу был против, это что-то изменило бы?

Гриша не ответил, но в его неловком молчании и был ответ. Нет, ничего бы это не изменило. Они бы все равно притащили в дом свою уродину, потому что это все-таки *их* дом, что бы они там ни трындели про семью и любовь.

– Я уже ничего не могу изменить, – вздохнул Никита. – Да я и пытаться не буду, что силы зря тратить! Но одно я у вас попрошу: не заставляйте меня приближаться к этой штуке.

– Никита!

– Я врать должен? Притворяться милашкой? Если вы так во мне разочаровались – можете сдать обратно в детдом.

– Глупостей не говори! Ты – наш сын, и так будет всегда. Но постарайся принять наше решение. Я не говорю, что твое поведение оправдано, сегодня оно было чудовищным. Только вот наказывать я тебя не буду, первый и последний раз. Делай что хочешь, чтобы в доме не было конфликтов, твоей маме и так придется тяжело в первое время, не добавляй ей проблем. А я, в свою очередь, надеюсь, что ты повзрослеешь и поймешь, как ты должен вести себя на самом деле.

Это Никита как раз понимал получше некоторых – пока его приемные родители оставались слепыми. Им казалось, что они спасли несчастную, обиженную жизнью малютку. А Никиту не покидало ощущение, что они притащили в дом комодского варана, жирную хищ-

ную ящерицу, способную убить человека, а ребенка и вовсе заглотив целиком. Он видел это в глазах Существа, когда оно появилось в доме!

Оно не было жертвой, оно было охотником... или чудовищем. Никита лишь надеялся, что сумеет показать это остальным, пока не стало слишком поздно.

* * *

Ульяна знала, что не имеет права чувствовать себя несчастной. Но не чувствовать почему-то не получалось.

Вообще-то, ей выпал счастливый билет. В приюте было хуже. Время, проведенное там, Ульяна до сих пор вспоминала с дрожью, а слезы сами собой наворачивались на глаза. Есть люди, которые к любой жизни привыкают – и оказываются на вершине. А вот она так не могла, она чувствовала, что умерла бы, если бы ей не встретились Авиновы.

Но они встретились, и стало лучше. В какой-то момент даже хорошо было! Недолго. Она, может, просто из таких людей, у которых не бывает всегда хорошо...

Сначала вернулись ее страхи. Те самые, оставшиеся с детства, они теперь переродились в комплексы. В один горький момент Ульяна вдруг поняла, что она – толстая и некрасивая, и от этой мысли ей было уже не уйти. А даже если бы она попыталась, одноклассницы мигом напомнили бы ей!

Потом она потеряла брата Никиту. То есть, Никита все еще был рядом и заботился о ней, как раньше. Но он уже не был ей братом – потому что Ульяна влюбилась.

Ей было жутко стыдно за это. Кто ж влюбляется в собственного брата? Позор! Но ведь он, если задуматься, никакой не брат ей... Им было по двенадцать лет, когда они познакомились, так что Ульяна прекрасно знала, что они не родственники. Вначале ей было легко с ним, Никита помогал ей во всем. Но со временем он изменился... Он стал лучше, и она засматривалась на него и краснела, когда он брал ее за руку. Она могла обманывать его, но не себя. Ее любовь перестала быть сестринской...

Хорошо еще, что Никита ничего не заметил! Он умный, однако в некоторых вещах – дурак дураком. А может, ему и в голову не могло прийти, что сестра способна смотреть на него так. Это было ее проблемой, которую Ульяна хотела решить сама, да только не знала, как.

Вот и получилось, что в семнадцать лет она оказалась страшной толстухой, безнадежно влюбленной в прекрасного принца. Да еще и принадлежащего другой! Куда уж тут думать про счастливый билет и свое везение?

Может, и неплохо было бы рассказать все... да только кому? Раньше она любимым секретом делилась с Никитой, теперь – понятное дело, что нет. Маме Ире? Плохая идея. Мама Ира – добрая, но болтливая... лучше и не представлять. Если поделиться с ней личным, она начнет переживать так громко, что услышит весь дом. И Никита тоже услышит! Стоило Ульяне лишь подумать о таком скандале, как ей хотелось провалиться сквозь землю.

У нее были приятельницы... была даже лучшая подруга. Но в последнее время Ульяну не покидало смутное чувство беды рядом с ней. Вроде как вы улыбаетесь друг другу и все хорошо, но за спиной уже слышно, как точится нож.

Если бы у нее была сестра, было бы легче. Хотя, технически, сестра была – пятилетняя Зоя. Жизнерадостный ребенок, лишенный возможности слышать. Ульяна еще толком не наловчилась с ней общаться, да и какие разговоры по душам в таком возрасте?

А еще была Регина... И с ней все оказалось сложно.

Ее появление стало для Ульяны таким же шоком, как и для Никиты. Но она скандалить не стала, потому что просто не умела скандалить. Она была слишком благодарна своим приемным родителям. Они ведь спасли ее, значит, она не имеет права чего-то требовать у них!

Поэтому Никита возмущался и пытался протестовать, а она смирилась сразу. Ее поступок оказался умнее, итог-то один: Регина осталась в доме.

Поначалу Ульяна боялась ее так сильно, что вздрагивала при каждой встрече и старалась побыстрее отвести взгляд. Но однажды она подумала: ей ли шарахаться от Регины? Себя Ульяна считала просто некрасивой. А вот Регина была уродливой – по-настоящему. Ульяна такое уродство раньше только в фильмах ужасов видела!

Каково это: жить, зная, что ты урод? Когда от тебя шарахаются, как от какого-то чудовища, и презирают только за то, что ты живешь на свете? Едва Ульяна подумала об этом, как ее страх сменился жалостью к Регине.

Только вот Регине это было не нужно. Она жила в своем мире и, кажется, ничего не понимала. Мама и папа сказали, что Регина – аутист. Это не значит, что она умственно отсталая. Просто мир она видела по-своему, через какую-то особенную линзу, которую Ульяна даже представить не могла.

Поэтому они толком не общались. Регина провела в их доме уже неделю, но до сих пор не произнесла ни слова. Большую часть времени она сидела в подвале, и Ульяна не догадывалась, чем она там занимается.

Точно она знала лишь одно: когда Регина смотрела на нее этими своими черными глазами, умными, странными, казалось, что это не человек смотрит, а... *что-то*. То, чему Ульяна не могла дать имя. Никита называл новенькую Существом. Может, это было до чертиков жестоко, но, по-своему, справедливо.

Этой ночью Ульяне не хотелось думать о новой «сестре», семье или даже Никите. Она думала о том, что несчастна – а значит, не благодарна судьбе.

Днем она еще могла отстраниться от всего этого, отвлечься на другие дела. Однако ночью правила игры меняются. Внутренние голоса звучат громче – и говорят они страшные вещи. Проблемы давят сильно, как лавиной накрывают. И вот уже кажется, что она, Ульяна, совсем крохотная, а над ней – целый космос, который хочет ее раздавить... Какой тут сон? Она не спала этой ночью, просто ворочалась с боку на бок, ожидая, пока наступит этот проклятый рассвет, до которого еще целая жизнь.

Поэтому она и услышала шорох. Он был тихим, вкрадчивым, и если бы она спала, этот осторожный звук никогда не разбудил бы ее. Но она-то не спала! Так что от легкого шороха Ульяна вздрогнула и резко поднялась на кровати.

В ее комнате всегда было тихо. В ее комнате и этой ночью было тихо, уж она-то успела убедиться! И вдруг этот шорох, непривычный такой... Как будто что-то мягкое скользнуло по доскам. Или кто-то осторожно провел когтями по стене... Что за мысли?

Она понимала, что это глупо и нереально. Однако ночью было возможно что угодно, поэтому Ульяна напряженно всматривалась в темноту. Ничего! Она успокоилась... почти успокоилась. Она свернулась под одеялом, приготовившись вновь терпеливо ждать рассвета.

Шорох повторился. На этот раз ей точно не почудилось! Что-то скреблось, ползло, так близко... Но где? По стене – или за стеной? Или под кроватью, прямо под Ульяной?

Ей следовало бы убеждать себя, что это лишь маленькая мышка. Да только вот звук был слишком громким для мышки, слишком глухим. Никакие доводы рассудка здесь не помогали, Ульяна не могла даже представить, что вызвало этот шорох. Она была семнадцатилетней девушкой, почти взрослой – но в этот миг она снова чувствовала себя маленькой девочкой, дрожащей от ужаса.

Ей нужно было спросить, кто здесь, однако голос не подчинился ей. Ульяне казалось, что словами она привлечет к себе ненужное, опасное внимание. Лучше уж не нарываться, подождать, тогда оно уйдет само...

Шорох действительно затих, но стало только хуже. На смену ему пришли шаги, и Ульяне пришлось зажать рот рукой, чтобы не закричать. Казалось бы, что такого? В доме полно людей!

Но рядом с ее спальней располагалась только комната родителей, и никто из них не ходил вот так – тихо, крадучись, как чужой здесь. Ульяна прекрасно знала походку отца и легкие шаги матери. Это были не они.

И не Никита. И не малышня. В доме оказался посторонний! А она была так напугана, что никого не могла предупредить. Ее била крупная дрожь, Ульяна не могла сдвинуться с места, она даже дышать боялась. Ей показалось или за дверью мелькнула тень? Прямо возле ее спальни!

Может, оно уже здесь? Оно пришло, приползло, сейчас оно войдет... Ульяна не отрывала взгляда от ручки, ожидая, когда та повернется, впуская незнакомца внутрь. Что, если это псих? Что, если ее семья уже мертва, и она – последняя, кто остался в доме?

Но ручка не повернулась, и никто не вошел. Все звуки исчезли, оставляя Ульяну в полной тишине. Наваждение отступило.

Она понемногу приходила в себя. Только теперь Ульяна обнаружила, что ее кожу покрывает пелена холодного пота, а сердце бьется в груди быстро-быстро. Ей не почудилось, это она знала наверняка. Но что же тогда произошло?

Она больше не собиралась выносить неизвестность. Ульяна торопливо накинула халат и взглянула на часы. Пять утра – точно не то время, когда просыпается ее семья. Да и ей не следовало бы высовываться, но она должна была. Если ее близкие действительно погибли, то и ей незачем оставаться в живых!

Она осторожно открыла дверь и выглянула наружу. В коридоре ее не поджидали ни монстры, ни люди в масках, крови и разрушений здесь тоже не было. Зато Ульяна сразу же обнаружила, что в доме горит свет.

Он был рыжим и совсем не ярким, из спален и не заметишь, а из коридора – можно. Свет прилетал откуда-то снизу, с первого этажа, и выцветшими лучиками оседал на ступенях. Ульяна поплотнее завязала халат и направилась вниз. Она понятия не имела, что увидит там, и, быть может, из-за этого ей не стоило удивляться – но удивление все равно было.

Свет шел от настольной лампы, возле которой в инвалидном кресле сидела Регина. Она ничего не делала, не читала и не спала. Она просто сидела в кресле, выпрямившаяся, скрытая свободным платьем, будто и неживая. Она смотрела на Ульяну темными глазами, которые в полумраке казались непроницаемо черными, и словно ждала чего-то.

Это был совсем не глупый взгляд, не мутный взгляд больного человека – Ульяна таких видела в достатке. Но это были и не глаза шестнадцатилетней девушки. Такие большие, такие темные... Ульяна вспомнила слова Никиты о Существо.

Кажется, он был прав.

– Привет... – с трудом произнесла Ульяна. Голос дрожал, и это было так нелепо! Но она ничего не могла с собой поделать.

По идее, ей не следовало удивляться. Регина вполне могла сама добраться сюда из подвала, она делала это не раз, папа проследил, чтобы ей было удобно. Что в пять утра – это ерунда, многим ведь не спится! Бывает. Но этот взгляд, это спокойное, как фарфоровая маска, лицо... Ульяна, здоровая и крепкая, вроде как была намного сильнее девушки, не способной подняться с инвалидной коляски. Однако в этот миг все было по-другому, не так, как должно быть.

Ульяна не выдержала, отвела взгляд, она не могла долго смотреть на Регину. В тусклом свете лампы ее странная кожа казалась змеиной, причем уже сброшенной.

– Я слышала шаги наверху, это ведь не ты была?

Ульяна задала вопрос, чтобы развеять чувство неловкости, а стало только хуже. Конечно, это была не Регина! Как бы она поднялась на второй этаж в этой своей коляске? Папа сказал, что сделает для нее лифт, но пока у нее не было ни шанса добраться туда, а потом спуститься вниз.

Получается, Ульяна невольно напомнила ей о болезни, и от этого было стыдно.

– Прости... Мне показалось, что я что-то слышала... Приснилось, наверно! Хотя я не спала... Или почудилось... Или мыши... Тут бывают мыши, но они совсем не страшные, не волнуйся!

Она болтала перед ней, как ребенок перед взрослой. А ведь она была на год старше! Ей следовало бы помочь Регине, только вот она не нуждалась в помощи.

А Ульяна нуждалась. Когда она наконец поняла это, она замолчала на полуслове, провела рукой по лицу и обнаружила, что кончики пальцев стали мокрыми. Она плачет?.. Она и не заметила, как это началось! Не должно было: Ульяна не разрешала себе плакать перед семьей, чтобы они не решили, будто она неблагодарная свинья, которая счастья своего не ценит.

Но тут все получилось само собой. Перед оценивающим взглядом черных глаз невозможно было притворяться.

– Почему ты несчастна?

Этот вопрос застал Ульяну врасплох, заставляя вновь взглянуть на Регину. Ей не почудилось! Регина действительно обратилась к ней. Нет, мама Ира упоминала, что Регина умеет говорить. Но после стольких дней тишины это казалось нереальным.

Голос у Регины был низкий, но не слишком, и немножко гортанный. Эта странная особенность не пугала, а очаровывала, как дивный, незнакомый акцент.

– Ты говоришь? – прошептала Ульяна. – Ты правда говоришь?!

– Только когда хочу.

Это была осмысленная речь обычного человека. Не обрывочные какие-то слова! Ульяне почему-то казалось, что если уж Регина и заговорит, то это будут нечленораздельные звуки. Или отдельные слова – к месту и не к месту. В приюте ведь так было!

Но с Региной все по-другому. Всегда так будет, Ульяна уже не сомневалась в этом. Эти слова – и слезы, которые лились из ее глаз, все не случайно. Если она будет молчать, она испортит это, потеряет доверие.

Так сложилось, что они оказались здесь вместе в пять утра. Это новые условия, такого в жизни Ульяны раньше не было. И ее «сестрица» совсем не похожа на тех, с кем она общалась. Значит, Регине можно доверять, а вот врать – нельзя. Ульяна чувствовала это кожей, хотя понятия не имела, что будет, если она решится на ложь.

Она наконец позволила себе плакать. И позволила себе говорить.

– Ты ведь никому не скажешь, правда? Ни маме, ни папе... и Никите тоже знать нельзя!

– Я никому не скажу, – пообещала Регина. – Я просто послушаю тебя. А потом решу, что делать дальше.

Глава 2

Они стараются не смотреть на меня, отводят взгляд, считая, что я не замечаю.

Ничего.

Так и было задумано.

– Слушай, брат, это не круто: издеваться над этой страшилой только потому, что она страшила. И ладно бы я это делал, но ты! Ты ж у нас антихейтер... Почти святой!

Никита понимал, что Пашка прав. Если бы ему кто-то другой описал такую ситуацию, он бы тоже был возмущен. Какой-то двухметровый лоб издевается над девочкой-калекой – класс! Но он-то как раз и был тем самым «двухметровым лбом», он понимал, что все тут не так просто.

Когда он пытался пересказать историю Существа, выходило и правда неловко, как будто он докопался до нее только из-за внешности. Так ведь не в этом дело! С тех пор, как она появилась в доме, все начало просто... рассыпаться. Между ними, раньше такими близкими и дружными, словно грозовое облако появилось. А хуже всего то, что люди, которых он привык считать родными, отказывались его слушать и не замечали опасные странности.

– Я-то, может, и святой, а вот она – точно нет, – хмыкнул Никита. – Мне порой даже кажется, что Существо – ведьма.

– Вот придумал! – присвистнул Серега Мирский. – Ведьма! Ты серьезно?

– Тебя что, на трене по башке клюшкой приложили? – рассмеялся Кирилл. – Какая, нах, ведьма?

Они пересеклись в раздевалке после тренировки, так всегда бывало. Только обычно они болтали о предстоящих турнирах и нормальных девушках, а в последнее время все разговоры сами собой сводились к Существо. Она превратилась в призрак, ставший одержимостью всей его жизни. Никита и рад был бы отвлечься, да не получалось. Он слишком хорошо помнил, что он сейчас здесь, а эта паучиха – рядом с его близкими, которые сами тянутся к ней.

Его друзья уже знали, что случилось, но вряд ли понимали его.

– Нет, серьезно, ты считаешь ее ведьмой? – допытывался Пашка.

– Да не знаю я, кто она! Но – да, иногда я уверен, что она – ведьма. Оно! С тех пор, как появилось Существо, в доме стало холодно. Во всех смыслах! Авиновы носятся, как идиоты, пытаюсь понять, где сквозит. Да нигде не сквозит, это все из-за нее! Еще стали пропадать вещи, а потом появляться в странных местах. И звуки какие-то...

– Так, братан, хватит, – прервал его Серега. – Не дай бог тренер эти твои песни услышит!

– Решит, что ты совсем конченный, – кивнул Кирилл. – И отстранит тебя, а ты нам на турнире нужен!

– Соберись, чувак, – посоветовал Пашка. – Оставь эту страшилку в покое, пусть себе катается по подвалу. Пусть даже твоя семейка нянчится с ней, если им так приспичило поиграть в хороших. Тебе-то что? Тебе меньше года осталось до восемнадцати, а там – свобода!

Они не понимали. Они и не могли понять. Чем больше времени проходило, тем больше Никита убеждался, что рассчитывать не на кого, все теперь зависит от него.

Только вот что он мог сделать? Уже было очевидно, что Ира и Гриша не отдадут Существо обратно. Они привязались к этой ящерице, она для них «несчастливая малышка»! Да и с Ульяной творится что-то странное. Она с удовольствием помогает Существо, катает ее по саду, сидит с ней в подвале часами. Никита пытался спросить ее, что на нее нашло, а она лишь плечами пожимала. Ей казалось, что это естественно – помогать их «сестре».

Только никакая она не сестра! Каждый раз, когда Никита оказывался рядом с ней, он не мог избавиться от чувства тревоги. Он словно в вольер с гиеной попадал! Сколько бы он ни убеждал себя, что Существо, прикованное к инвалидной коляске, не опасно, ничего не помогало. Его инстинкты били тревогу, совсем как тогда, в детстве, во времена, которые он теперь отчаянно пытался забыть.

– Ладно, пацаны, я поехал, – сказал он.

– Уже? Да ладно, останься, едем к Серому, как раз же перерыв между тренировками!

– У меня дела.

– Какие дела? – фыркнул Пашка. – Охоту на ведьм устраивать?

– Если бы! Свидимся.

Не было у него никаких дел, но не говорить же об этом! Никита просто чувствовал, что ему нужно сейчас быть в доме. Раз он единственный, кто видит истинную суть Существа, он должен охранять остальных.

После череды буйных гроз стояла теплая погода – как в мае даже, не как в апреле. Это позволило раньше обычного достать велосипед и значительно упростило Никите жизнь. Теперь он мог добираться напрямую от арены к дому через парк и загородную дорогу.

Ему это было нужно: постоянное движение, нагрузка и скорость. После тренировки мышцы болели, но он не обращал на это внимания. Никита сразу же разогнался, а управлял велосипедом он отлично, мог объехать что угодно и кого угодно, даже тех клуш, которые любят шататься по велодорожкам пешком, перекрывая собой весь проезд. Он двигался так быстро, что его не успевали рассмотреть, мелькал рядом и тут же исчезал, как молния, рассекающая воздух.

Иногда он слышал возмущенные выкрики за спиной. Мол, ездят тут всякие, приличных людей пугают да пыль поднимают. Совсем обнаглели со своими велосипедами! Ему было плевать. Нагрузка помогала, усталость позволяла забыть о постоянном раздражении и обиде, холодный ветер, бьющий в лицо, задувал гнев. В такие моменты он чувствовал себя по-настоящему свободным, и ему казалось, что он может справиться с чем угодно.

Так что до дома он добрался спокойным и почти счастливым. А потом он увидел Существо – и его хорошее настроение полетело к чертям.

Оно сидело на просторной веранде, по самую шею укрытое пледом, и безразлично пялилось вперед. Но это ладно – к такому Никита уже привык, это называлось «Регина хочет подышать». Гораздо хуже было то, что рядом с Существом оказалась маленькая Зоя!

На коленях у Существа поверх пледа лежал скромный букетик мать-и-мачехи – первый подарок весны, наверняка собранный Зоей. Сама же девочка смотрела на странную гостью их дома и... говорила с ней.

Не по-настоящему, конечно. Зоя родилась глухой, а в приюте ей повезло встретить талантливого и внимательного педагога. Ее начали обучать языку жестов уже в два года, и в пять она умела объясняться получше, чем дети, способные говорить. Ее пухлые ручки ловко скользили через воздух, ее пальчики быстро складывали то один знак, то другой, ей было совсем не сложно. Это в их семье и считалось речью Зои.

Никита неплохо ладил с младшей сестренкой и даже пытался выучить ради нее язык жестов, но получалось пока отвратительно, а по губам Зоя не читала. Так что для них общением были улыбки и обнимашки – это дело она обожала, как ласковый котенок. Из всей семьи языком жестов хорошо владела только Ира. Никита не раз видел, как они «беседуют» с Зоей, и это завораживало.

Но теперь Зоя точно так же общалась с Существом. Она не просто пыталась что-то рассказать этому уродцу, Зоя «говорила», делала паузу, словно ожидая ответа, а потом реагировала – чаще всего смеялась, и снова двигались ее ручки. У них был диалог...

Только вот диалога не было. Существо не двигалось, не смотрело на ребенка, оно и не пыталось пошевелиться. Со стороны оно казалось сломанным манекеном, который кто-то потехи ради водрузил на кресло. Чувство холода, не покидавшее Никиту рядом с Существом, вернулось. Он бросил велосипед во дворе и поспешил вперед.

Ему хотелось сорваться. Наорать на Существо, тряхнуть это чудовище за плечи, чтобы показать собственную силу, предупредить, что любой враг его семьи – это и его враг тоже. Но Никита так не мог. Не из-за жалости к Существом, просто это напугало бы маленькую Зою.

Поэтому он заставил себя подойти к ним спокойно, чтобы Зоя заметила его издалека. Он наклонился к ней и широко улыбнулся.

– Привет, малыш! А что вы тут делаете?

Он прекрасно знал, что Зоя не поймет его слов, но ей хватит улыбки. Его вопрос предназначался Существом.

Но Существо никогда не говорило с ним. Оно вообще не отличалось болтливостью, и в первые дни, проведенные в доме, не издавало ни звука. Теперь оно вроде как иногда общалось – то с Ульяной, то с Ирой, то с Гришей. Не с Никитой. К нему оно не обращалось никогда и не отвечало на его вопросы. Оно и сейчас пялилось куда-то в сторону, словно рядом не было никакого Никиты!

– Тут становится холодно, – заметил Никита. – Зойка-Зайка, давай я отнесу тебя в дом!

Когда он поднял Зою на руки, малышка засмеялась, и Никита вздохнул с облегчением. Значит, Существо не успело навредить ей.

Ира была на кухне, готовила обед, Степа делал вид, что помогает ей, хотя по факту просто добавлял мусора. Похоже, приемную мать совсем не волновало то, где и с кем она оставила Зою! Но упрекать ее за это бесполезно, Никита уже усвоил. Если попытаться объяснить ей, что она творит, она замкнется, а то и разрыдается. Поэтому он сдержал упреки и постарался сделать вид, что совершенно спокоен.

Ира легко поддавалась на этот обман – она всегда поддавалась. Она радостно кивнула ему и вернулась к работе. Но Никита не спешил уходить.

– Ир, можно тебя попросить кое о чем?

Он знал, что ей хотелось бы услышать от него заветное «мама». Никита и сам не до конца понимал, почему не обращается к ней так. Он любил ее – это без вариантов. Он был признателен ей за все, что она для него сделала. И он точно считал ее своей настоящей матерью. Но само слово... Оно не было для Никиты священным. Оно, самое важное для большинства людей, для него стало символом того, к чему он не хотел возвращаться.

Поэтому приемные родители давно уже стали для него Ирой и Гришей. Они, кажется, смирились.

– Да, конечно, – Ира обернулась к нему. – Что-то случилось?

– Ничего, просто мне нужен переводчик для вот этой принцессы. – Никита осторожно поставил Зою на пол. – Ты можешь спросить у нее, что она сейчас делала на крыльце?

– А что она делала такого? – удивилась Ира. – Я оставила ее под присмотром Регины!

Она оставила пятилетнюю глухую малышку под присмотром Существа... мать года! И снова Никита сдержался, не стал ее упрекать.

– Мне показалось, что она разговаривала с кем-то. Ну, по-своему, как Зоя обычно делает. Я хотел узнать, с кем.

До появления Зои Ира ничего не знала о языке жестов. Но когда возникла необходимость, она быстро научилась и теперь общалась бегло и ловко. То, что Никите казалось неповторимой ловкостью рук, для Зои было самой обычной речью.

Она поняла вопрос и ответила так же быстро.

– Она разговаривала с Региной, – перевела Ира. – Она называет ее «красивой девочкой», вот ведь зайка моя! Видишь? Дети способны видеть истинную красоту, кое-кому не мешало бы поучиться!

Существо было последним человеком на Земле, который подходил под определение «красивая девочка». Но Никита не видел смысла указывать на это, его волновало другое.

– Как Зоя могла с ней разговаривать? Сущ... Регина не двигалась, я видел!

– Зоя говорит, что они беседовали о цветах, которые скоро появятся в саду, и Регина рассказала ей много интересного. Смотри, они подружки!

– Ира, да забудь ты про подружек! – не выдержал Никита. – Как Зоя получала ответы, если Регина не двигалась? Она что, слышала голос в голове или что-то вроде того?

На этот раз Ира была озадачена – хоть что-то смогло пробиться через ее обычный кокон жизнерадостности! Она о чем-то спрашивала малышку, и Зоя отвечала ей. Судя по всему, маленькую девочку вообще ничего не беспокоило, и эта ситуация не казалась ей необычной.

Под конец Ира тоже улыбалась.

– Какое богатое у ребенка воображение! – всплеснула руками она. – Надо же, удивительно талантливая девочка растет!

– А если без лирики?

– Злобный ты какой-то стал, Ник!

– Какой был, такой и остался. Зоя что, представила себе голос Регины?

– Она не может представить голос, она не знает, что это такое, – указала Ира. – Нет, она вообразила, что видит прямо перед собой руки, которые складывают жесты и разговаривают с ней. Ну разве это не мило?

Нет.

Это было совсем не мило.

То, что приводило Иру в восторг, леденило Никите кровь. Он мгновенно представил руки у самого лица Зои, разговаривающие с ней... Пока разговаривающие. Что, если в следующий раз эти руки свернут Зое шею? Раз – и хрустнули кости, и нет ее, а туповатые родители поверят, что это был несчастный случай.

Они не готовы искать правду. Они не видят опасность и не будут никого защищать. Для Никиты это стало очередным доказательством того, что он сейчас очень нужен дома.

Существо быстро сообразило, кого необходимо опасаться. Когда Никита был рядом, оно изображало смирную овечку, беспомощную жертву, за которой надо ухаживать. И он, высокий, сильный, отказывающийся помогать ей, смотрелся совсем уж бессердечным тираном.

Это не осталось незамеченным. Чувство отчуждения крепло, и ему казалось, что вся его семья перешла на сторону Существа, а про него будто забыли!

– Ты, похоже, устал, – холодно заметил Гриша. – Совсем вымотался на своих тренировках, вот тебе и мерещится то, чего нет. Подумать только, ты даже из фантазий пятилетнего ребенка умудрился сделать проблему! Иди отдохни, утром обсудим, как быть дальше.

Возможно, он был в чем-то прав. С тех пор, как Существо появилось в доме, Никита ни на секунду не позволял себе расслабиться. Может, у него действительно началась паранойя?

Он отправился спать раньше – еще и десяти не было. Он, вымотанный тренировкой, а потом и скоростной поездкой на велосипеде, заснул почти мгновенно. А проснулся он в темноте – и не по своей воле.

Он все еще лежал на кровати, плоско на спине, и Существо было над ним. Лицо, на которое он опасался смотреть даже издали, при свете дня, теперь было всего в паре сантиметров от его лица. Хотя какое там лицо! Это была морда ящерицы, и темнота не мешала Никите рассмотреть каждую трещину в коже, каждую складку, каждый иссохший, оторвавшийся слой. Глаза, в которые он смотрел, были глазами Бездны, черными, как ночное небо. Сухие губы

Существа растянулись в искаженной ухмылке, делавшей и без того страшную морду похожей на ритуальную маску.

А хуже всего было то, что Никита не чувствовал никакого веса на себе. Если бы Существо заползло на него и теперь паялилось на него вот так, уже было бы плохо. Но оно не лежало на нем, оно парило прямо над ним, не касаясь. Лицом к лицу. Глаза в глаза. Он не хотел смотреть, а отвернуться не мог. Его будто парализовало, Никита не мог шелохнуться, ему только и оставалось, что глядеть на монстра, зависшего над ним.

Он давно уже не чувствовал такого страха – животного, ослабляющего, пожирающего и мысли, и волю. Когда-то Никита уже проходил через это, но давно, и он был слабым. Чтобы избавиться от страха, преследовавшего его с тех пор, он постоянно тренировался, он сделал все, чтобы стать сильнее. Он и был сильным! Самым сильным в своей команде... да и в этом доме, приемный отец вряд ли сравнился бы с ним.

Но вот настало время первой проверки, и все его достижения обнулились. Что толку с того, что он теперь здоровяк, который железо руками гнет? В ночной тьме, перед лицом чудовища, он был все тем же маленьким мальчиком, который когда-то забивался в угол своей спальни... Это перевоплощение унижало его, ранило, и все равно он не мог вырваться.

Существо было повсюду. Лицо рептилии оставалось так близко, Никита должен был почувствовать дыхание на своих губах... И не чувствовал. Оно не дышало, и вместо тепла от него шел холод. А черные волосы, длинные, обычно укрывавшие Существо мантией, теперь извивались, как разъяренные змеи. Они закрывали от Никиты тот небольшой кусочек реального мира, что еще оставался с ним. Очень скоро клетка захлопнулась, и были только эти волосы, касающиеся его... Никита чувствовал, как они душат его – и будто проникают внутрь, двигаются прямо в его горле. Он не знал, как это объяснить. Не все в мире, оказывается, поддается объяснению.

Оно пришло сюда, чтобы убить его. Существо сообразило, что только он не поверил в обман, и теперь старалось избавиться от нежеланного противника. А Никита даже не мог попросить о пощаде, ему едва удавалось дышать из-за черной массы, проникавшей ему под кожу. Он задыхался, сердце колотилось так быстро, что казалось: оно вот-вот взорвется в груди.

Ему оставалось лишь то, что он делал давно, когда сам был ребенком. Он зажмурился и начал считать до десяти, и так – снова и снова. Он заставил себя отстраниться от всего, что с ним происходит, не думать ни о боли, ни о страхе. Ему нужно было вырваться из этого момента... или умереть спокойно.

Помогло. В какой-то момент он просто перестал чувствовать, вообще, и время для него исчезло. Он знал, что это вряд ли подействует на Существо, и все ждал, когда темнота заберет его. Но ничего не случилось – и он вдруг понял, что снова может двигаться. Наваждение отступило.

Никита был не из тех, кто сомневается в себе. Все это было, точно было! Гадюка напала первой, но по какой-то причине у нее не хватило сил убить Никиту. Первый раз она отступила, а отступит ли второй? Вряд ли – поэтому он не собирался позволять ей вторую попытку.

Он даже не смотрел на часы, хотя за окном по-прежнему было темно. Плевать, сколько времени, какой вообще день. Все должно закончиться прямо сейчас, больше ничего не важно.

Он оделся и покинул комнату. Внизу горел свет, было слышно, как работает телевизор, а значит, Ира и Гриша снова засиделись допоздна, у них такое бывало. У Никиты сейчас не было ни настроения, ни сил объясняться с ними и пробиваться через их вечное непонимание. Он миновал их, не удостоив даже взглядом, и направился к подвалу.

А вот они его заметили. Попытались окликнуть, но он не обратил на них внимания. Они были так удивлены, что не сразу даже последовали за ним. Еще бы! Не было раньше в их доме такого: чтобы старший сын кометой проносился мимо посреди ночи.

Никита понимал, что это, может, не очень правильно, но ничего не мог с собой поделать. Внутри кипело возмущение, все остальное было не важно. Он был не в том состоянии, чтобы думать о последствиях, у него осталась только одна цель: убрать из дома Существо любой ценой, а там будь что будет!

Он не был в подвале с тех пор, как Существо поселилось здесь. Никита помнил игровую, но от нее мало что осталось. Просторную комнату превратили в полноценную спальню – с большой кроватью, письменным столом и специальными тренажерами для разминки. Здесь было уютно, тепло, казалось, что тут живет самая обычная девушка. Но Никита не позволил этому обмануть себя, он слишком хорошо помнил ту тварь, что всего пару минут назад пыталась его задушить.

Инвалидная коляска стояла у стены, а Существо лежало на кровати. Как будто так и было, как будто это не оно только что ползало по дому! Но оно хотя бы не притворялось спящим. Когда Никита включил свет, оно натянуло одеяло повыше, и остались видны только злобные черные глаза.

– Что, не получилось добраться до меня? – процедил сквозь сжатые зубы Никита. – Не хватило силенок? Этот цирк продолжался слишком долго, в *моем* доме, рядом с *моей* семьей ты не останешься!

Он толком и не знал, что должен делать дальше. Задушить ее? Просто схватить и вышвырнуть из дома? В его душе кипела злость, он понимал, что обязан уничтожить ящерицу, пока она не добралась до младших детей. Но даже так Никита не мог пересилить себя и напасть. Слишком уж противоестественным для него было избиение слабых! А она казалась слабой – сейчас она была совсем не похожа на того полуночного монстра, который пробрался в его комнату.

Пока он сомневался, его время истекло. В подвал ворвались его приемные родители, и напряжение мигом возросло, зазвенели, загремели голоса, разносившиеся, пожалуй, по всему дому.

– Никита, что ты творишь?!

– Сынок, успокойся!

– Прочь отсюда! Наверх, там поговорим!

Но уйти Никита не мог. Если отступить сейчас... Кого оно отправится душить дальше? Что еще оно умеет?

– Она была в моей комнате! – признал Никита, не сводя глаз с Существа. – Только что!

– Что ты несешь?

– Она пыталась меня задушить!

– Это невозможно! – отрезал Гриша. – Я даже отказываюсь обсуждать саму дикость идеи. Но если допустить, что Регина и правда была бы способна на это, она все равно не выходила! Мы с твоей матерью весь вечер были внизу, мы бы заметили, если бы открылась дверь в подвал!

Для Никиты это ничего не значило. Он уже усвоил, что Существо умеет быть хитрым и наглым. Но теперь ему было лишь сложнее доказать правду родителям.

– Я знаю, что я видел!

– Никита, миленький, успокойся! – взмолилась Ира. – Тебе просто приснился плохой сон!

– Иди отсюда! – Гриша, уже доведенный до кипения, повысил голос. – Ты пугаешь ее!

Однако Существо не выглядело испуганным, вот чего они не замечали. В темных глазах, обращенных на него, Никита видел понимание. Оно совершенно точно знало, что произошло! Оно было в его комнате, душило его, а теперь смеялось над его беспомощностью.

Ему нужно было решиться. Не важно, что с ним будет дальше, посадят его или навсегда прогонят из этого дома. Собственная судьба уже не волновала Никиту, эта семья слишком много сделала для него, настало время вернуть долг.

Ира попыталась стать у него на пути, но Никита отстранил ее – осторожно и вместе с тем решительно. Он знал, что ни она, ни Гриша не сумеют сдержать его, сил не хватит. Он все завершит...

Но он недооценил своих приемных родителей. Гриша и не собирался драться с ним, он прекрасно знал, на чьей стороне преимущество в грубой силе. Он действовал мудрее: опытный врач был готов ко всему. Никита почувствовал короткую, острую боль укола в шее, перед глазами у него все поплыло, а спустя пару минут наступила темнота.

* * *

У нее появилась Настоящая Тайна. Кто-то гордится таким разве что в младшей школе, а вот Ульяне раньше не доводилось. Ей было немного стыдно за такие мысли, но она успокаивала себя тем, что никто об этом не узнает. Ее секреты вместе с Настоящей Тайной останутся у нее в голове.

Она была единственной в доме, кто знал, что Регина умеет говорить нормально. В первые дни она и вовсе общалась лишь с Ульяной, потом начала отвечать и остальным, но коротко, чаще всего – и вовсе односложно. Поэтому родители думали, что Регина по-другому не умеет.

И только Ульяна знала правду: Регина была обычным, нормальным человеком. Умным! Она понимала все на свете, она так много знала, и это было просто невероятно, если учитывать, что ей было доступно лишь домашнее образование...

Ульяна хотела рассказать об этом, но не могла. Регина запретила ей – в этом и заключалась Тайна. Никто не должен знать.

Но это и к лучшему, потому что новая сестра стала для Ульяны настоящим сокровищем. Регина никогда не насмеялась над ней, не называла жирной и ленивой, давала советы, которые действительно работали. Очень скоро Ульяна обожала ее, это была та самая старшая – хотя по факту она была младше – сестра, о которой бывшая воспитанница детского дома всегда мечтала. Правда, ее несколько задевало, что Регина никогда не рассказывает о себе. Но Ульяна решила не давить, всему свое время – не зря ведь так говорят!

Так что у них все шло хорошо, а потом произошло... это. Несчастный случай ночью. Ульяна спала и толком не знала, что тут было. Родители так расстроились, что ей не удалось выяснить никаких деталей. Она лишь узнала, что Никита напал на Регину – и это было так дико, так странно! А потом мама и папа забрали его и поехали к какому-то там психологу, оставив Ульяну с младшими детьми.

Раз они не желали говорить с ней, оставался только один источник информации, к которому Ульяна и направилась.

Она всегда робела перед Региной. Это не мешало Ульяне обожать ее, напротив, увеличивало уважение. Вот и теперь она остановилась в нескольких шагах от Регины, не зная, куда себя деть, как вообще начать этот разговор.

К счастью, Регина все угадала сама.

– Садись, – велела она, и Ульяна тут же опустилась на ближайший стул. – Тебе, наверно, интересно, что произошло ночью?

– Да... Мне очень страшно из-за этого, – признала Ульяна. – Никиту куда-то увезли!

– Вернут. Яма, которую он себе вырыл, не слишком глубока – на этот раз. Если ему хватит ума остановиться, все будет нормально. А случилось вот что: Никите приснился кошмар. Ему привиделось что-то плохое, связанное со мной, и он решил, что я ему угрожаю. Не воспринимай это всерьез. Ты ведь знаешь, что я не опасна.

Ульяна быстро кивнула. Ей нравилось слушать голос Регины. Он, низкий для такой молодой девушки и чуть гортанный, казался ей экзотической музыкой, плавной, переливаю-

щейся, чарующей. Эту мелодию хотелось слушать, не вдумываясь в смысл слов, просто ради звука.

Хотя, конечно, Ульяна понимала, о чем речь, она никогда не позволяла себе так отвлечься. Она верила, что Никита ошибся. Ну какая угроза может быть от Регины? Такой худенькой, не способной подняться с кресла... А главное, очень умной и доброй! Она была добрее всех ровесниц, с которыми была знакома Ульяна.

– Расскажи мне о Никите, – велела Регина.

Она не просила, она просто указывала, что нужно делать дальше. Когда так себя вел кто-то другой, Ульяну это жутко обижало. Но у Регины все получалось гармонично, даже отдавать приказы, как будто она была королевой и это преимущество досталось ей по праву рождения.

– Он был у мамы и папы первым усыновленным ребенком, – ответила Ульяна. – Задолго до меня... лет за пять, пожалуй. Когда я начала жить здесь, мне было трудно, но он помог мне. Он всегда обо всех заботится...

– Нет, – прервала ее Регина. – Не перепрыгивай через годы, не рассказывай мне, какой он сейчас, это я и так вижу. Начни с начала.

– Не понимаю...

– С его первой семьи и первой жизни. До того, как он попал сюда. Почему он не с родными родителями? Они умерли?

Такое в семье Авиновых обычно не обсуждалось. Это не было под запретом, просто вот так лезть в чужую душу казалось неприличным. Но что-то Ульяна все равно знала – случайно услышала, соотнесла одно с другим, угадала. Никита разозлился бы на нее, если бы узнал, что она о таком болтает...

Однако Никиты здесь нет.

– Нет, насколько я знаю, они живы и сейчас... Их лишили родительских прав, обоих, и Никите они больше никто.

– За что?

– За жестокое обращение, – неохотно признала Ульяна. – Вроде бы, они били Никиту... Сильно.

– Он был у них единственным ребенком?

– Да...

– То есть, вся жестокость была направлена на него. Любопытно. Ты живешь рядом с ним уже много лет. Скажи, сам он бывает жестоким?

Тут уж Ульяна не медлила с ответом ни секунды.

– Что ты, никогда! Наоборот, он всегда очень заботится и обо мне, и о маме с папой, и о маленьких...

– Понятно. Значит, он из тех, кто берет страдание и пытается обратить в любовь, а не в ненависть. Очень любопытно.

Ульяна не до конца понимала, о чем речь. Если бы это сказал кто-то другой, прозвучало бы, пожалуй, слишком пафосно. Но рокоchущий голос Регины идеально подходил для таких слов.

– Что еще ты знаешь о Никите? Чем он занимается, когда не заботится о вас?

– Ну... ему нравится заниматься спортом, – ответила Ульяна. – Он всегда был в какой-нибудь секции, сейчас вот в хоккее, и получается у него здорово. Его команда уже много что выиграла, а его самого приглашают в какой-то клуб, как школу закончит.

– У него есть близкие друзья?

– Да... Вроде, да.

– Кто они? Ты их знаешь?

– Не очень хорошо. Парни из команды – два или три человека, с ними Никита постоянно тусуется... Но я ведь не из тех, кто им нравится! – горько улыбнулась Ульяна.

– Тебя не они волнуют. Тебя больше задевает то, что ты не нравишься Никите так, как хотелось бы.

– Давай не будем об этом!

– Почему? Нет ничего зазорного в том, чтобы любить его.

Ульяна почувствовала привычный жар на щеках. Когда она смущалась, то краснела заметно, густо, свекольно, и скрыть это позорище не удавалось.

– Он – мой брат!

– Он не твой брат, и ты это знаешь. Брат – это просто слово, которое ты привыкла использовать.

– Мы выросли вместе, – робко напомнила Ульяна.

– Вы были вместе меньшую часть твоей жизни. Не считается. У вас нет общей крови, а кровь все решает. Его можно любить. У него все качества человека, которого любят.

– Странные вещи ты все-таки говоришь... Да и любят не за качества, а просто потому, что человек... вот такой, какой есть!

– То есть, объединяющий в себе определенные качества, – снисходительно улыбнулась Регина.

– А ты кого-нибудь любишь?

Ульяна лягнула первое, что пришло в голову, чтобы сменить тему, и тут же пожалела о своих словах. Регина, до этого расслабленная, заметно помрачнела.

– Да. Я любила.

– А теперь?

– А теперь тот человек умер и похоронен.

– Ой... прости, мне очень жаль!

– Не извиняйся за такое, – посоветовала Регина. Не похоже, что она затаила обиду. –
Никогда не извиняйся. Ты не можешь знать чужое прошлое. У меня теперь все хорошо.

– Да, твоя семья здесь!

– Ты так считаешь?

– Все так считают, – поспешила заверить ее Ульяна. – Ну, кроме Никиты, ты уж на него не злись...

– Я и не злюсь. Поверь, скоро Никита перестанет быть проблемой.

Ульяне не понравилось, как это прозвучало, но она и сама толком не поняла, почему. Не нужно искать тайный смысл в словах Регины, не может его там быть, да еще такого зловещего...

Ведь правда?

Глава 3

*Наркоз не подействовал, но я не могу сказать об этом.
Операция начнется через две минуты.*

Он подставился – и по-крупному. Теперь, когда страх и гнев оставили его, Никита мог здраво оценить, как он влип.

В себе и в том, что он был прав, Никита по-прежнему не сомневался. Но ему нужно было действовать аккуратней! А он, получается, попался в ловушку, как младенец. Существо не убило его, потому что не хотело убить. Оно хотело унижить его, подставить перед родителями, выставить психом. Короче, оно сделало все, чтобы словам Никиты больше не верили.

Тут оно преуспело, высший балл! Никите сделали укол снотворного, как какому-то буйно помешанному. Утром, когда он пришел в себя, у него болела голова, его тошнило, и устраивать скандалы больше не хотелось. Так ведь его все равно не оставили в покое! Родители чуть ли не волоком притащили его в машину и повезли к какому-то знакомому психиатру Гриши.

Хорошо еще, что они решили все это скрыть, не выставлять семейные дела напоказ – и не поганыть будущее Никиты. Теперь, когда он успокоился, он понимал, что был в шаге от серьезного диагноза. А это постановка на учет, и прощай, нормальная жизнь!

Его несколько часов таскали по врачам, обследовали, заставляли отвечать на вопросы. Никита стойчески терпел весь этот бардак, считая наказанием самому себе. Он уже выбрал подходящую стратегию: твердил всем, что ему просто приснился страшный сон, сказалось утомление последних дней, и он сорвался.

Родители поверили ему, потому что хотели верить. Да они сами предложили похожую версию! Это было куда удобней, чем признать, что они притащили в дом монстра. Так что Ира и Гриша теперь радовались, что Никита опомнился, но оставлять его в покое не спешили.

Комиссия постановила, что у него случился нервный срыв – это плохо, унижительно, но не критично. Жить можно, да еще и как раньше. Его отвезли домой, и Никита ожидал, что теперь ему определят какое-нибудь типичное наказание и оставят в покое. Так нет же, приемные родители надели на него с непривычным энтузиазмом.

Он снова был в кабинете Гриши, но на этот раз к беседе присоединилась Ира. С детьми оставили Ульяну, двери были заперты, шторы – задернуты. Значит, разговор ожидался не из простых. Еще одним доказательством служили бумаги, разложенные на столе Гриши.

– Вы хотите, чтобы я признал, что был неправ? – угрюмо поинтересовался Никита. – Окей, я был неправ. Нужно извиниться перед Региной? Я и это могу!

Это была его миссия, которую он должен был выполнить любой ценой. Даже если это означало вилять хвостом перед Существом. Никита не считал, что сдается, это был просто обманный маневр.

Но родители не поддавались.

– Ты можешь изобразить что угодно, артист ты неплохой, – вздохнул Гриша. – Но я хочу, чтобы ты по-настоящему изменил свое отношение к ней.

– Да нормально я к ней отношусь!

– Нет, дорогой, – мягко указала Ира. – Ты с самого начала не смог принять ее. Мы ни к чему не подталкивали тебя, видели, что тебе тяжело. Но ситуация вышла из-под контроля!

– Я ведь сказал, что это не повторится!

– Речь о твоём отношении, сын. Регина все видит и понимает. Она не заслуживает того, что ты делаешь.

Осиновый кол в сердце – вот чего она заслуживает! Жаль только, что они не могли понять это.

– Я решил объяснить тебе, что ей пришлось пережить на самом деле, – продолжил Гриша. – Ты должен очень четко понимать, почему те твои слова про ее ночной визит не могут быть правдой.

Он склонился над столом и достал из папки большой снимок – черный пластик, просвечивающий на свету. Это был рентген позвоночника – от шеи до поясницы. Никита, в отличие от своего приемного отца, никогда не увлекался медициной, но и он мгновенно понял, что не так на этом снимке.

Позвоночник был перебит – чуть выше поясницы. Сложно было сказать, как это произошло, но несколько позвонков просто исчезли, и их заменили корявым протезом, который разве что удерживал тело, но никак не способствовал подвижности позвоночника.

– Это Регина, – невозмутимо пояснил Гриша. – То, что она пережила. Она младше тебя, сын, но на ее счету уже две крупные операции. Одна, как видишь, навсегда лишила ее возможности ходить. Я лично изучил ее случай, поэтому отвечаю за каждое слово. Сейчас Регина не может не только ходить, она даже сидит в специальном корсете. Я ишу способ вылечить ее, чтобы облегчить ее жизнь, избавить от болей – это самое большое, на что я могу надеяться.

– Поэтому она не смогла бы сделать все то, о чем ты говорил, – подхватила Ира. – Пожалуйста, пойми это. Регина не смогла бы незаметно выбраться из подвала, прокрасться мимо нас, каким-то чудом доползти до твоей комнаты и напасть на тебя. А даже если смогла бы, кто сильнее – ты или она? Какие у нее вообще были шансы?

Никита невольно вспомнил то ужасающее чувство беспомощности, которое приносил полный паралич. О, шансы были очень высоки! Но в чем-то его приемные родители правы: с такой травмой Существо просто не смогло бы добраться до второго этажа.

В чем тогда подвох? Как оно обманывает всех?

– Ей нелегко – и всегда будет нелегко, – добавила Ира. – Наша роль, роль тех, кто рядом, – облегчить ее существование. Ты понимаешь это?

– Понимаю.

– Ты – наш сын, и мы всегда будем тебя любить. У тебя нет ни одной причины ревновать нас к Регине!

– Я и не ревную.

Тут он был честен: ревности Существо не вызывало.

– Тогда я очень надеюсь на твою помощь, – сказал Гриша. – Ты всегда был для нас опорой, очень помогал с маленькими. Прости нас наконец за то, что мы не посоветовались с тобой!

– Все в порядке. Дело не в вас... Я могу идти?

– Сейчас сможешь, но... Я не могу оставить то, что случилось, просто так. Ближайшие две недели – никаких прогулок и вечеринок. Школа, тренировки, домой. И никак иначе!

– Согласен.

Наказание не возмутило его, Никита был к такому готов. Да он и без этого сомнительного приговора не стал бы покидать дом без причины! Новые знания о Существо не заставили его пожалеть «бедную девочку». Он перестал понимать, с чем имеет дело, и ему нужно было срочно разобраться в этом.

Поэтому он затаился, он наблюдал. И чем больше он видел, тем хуже ему становилось.

Младшие дети тянулись к Существо. Их несколько не пугало уродство этой ящерицы, а Никита не мог спокойно смотреть, как Зоя прижимается к ней и целует покрытую нездоровой кожей щеку. Степка тоже не остался в стороне, он гордо хвастался Ире, какие замечательные сказки рассказывает ему Существо. А ведь оно слова ему не прошипело! Как такое возможно? Откуда тогда брались все эти истории про драконов и принцесс? Степка, при всем его очаровании, был напрочь лишен фантазии!

Но хуже всего было то, что Никита и на Ульяну не мог положиться. Она, вроде как умная и самостоятельная, теперь вилась вокруг Существа преданной собачонкой. Что бы Никита ни говорил ей, как бы ни убеждал, все было бесполезно.

А Существо все видело. Оно понимало, что занимает его место в этой семье, и смеялось над ним!

В какой-то момент ему стало просто тошно оставаться в этом доме. Он вышел в сад, к дальним деревьям, чтобы передохнуть. Вот тогда он и обнаружил, что за ними наблюдают.

Среди ветвей, покрытых белой пеной цветов, мелькнул силуэт. Кто-то стоял там, смотрел, но, заметив, что привлек внимание Никиты, попытался отступить. Только поздно спохватился! Никита крикнул:

– Эй, кто там? Это частная собственность, сюда посторонним нельзя!

Он ожидал, что незнакомец попытается сбежать, но тот остановился. Не зная, как это понимать, Никита поспешил к нему. Он не собирался отступать – особенно на своей территории.

К его удивлению, в сад пробрался не бродяга или подросток, которому захотелось селфи на фоне цветущих яблонь. Перед Никитой стоял солидный мужчина в дорогом деловом костюме.

Незнакомцу было лет шестьдесят, может, чуть меньше, но не слишком. Он все равно оставался крепким, жилистым, и чувствовалось, что он в отличной форме и на звание старика не тянет. Он был ниже Никиты ростом, но все равно оставался высоким. Темные с проседью волосы он стриг очень коротко, почти по-военному. Темно-карие глаза внимательно наблюдали за Никитой, лицо было не по сезону смуглым, а резкими чертами он чем-то напоминал Пикассо в старости – Никите как раз попался недавно документальный фильм про художника, вот и совпало.

Мужчина, застигнутый чуть ли не в чужом дворе, оставался совершенно спокойным, на Никиту он смотрел с легким интересом.

– Вы кто? – хмуро спросил Никита, не зная, как быть дальше.

– Эдуард Андреев, – представился мужчина. И, словно этого было недостаточно, еще и визитку протянул.

Психи так себя не ведут... Или ведут? Хотя вряд ли он был психом. На визитке значилось, что Эдуард Андреев был историком и даже работал преподавателем в крупном вузе. Надо же!

– Вы к Григорию? – уточнил Никита.

– Это было бы логично, да? Но я пришел к вам.

Проще от этого не стало. Никита впервые видел этого человека и уж точно не ожидал его. Впрочем, то, что Андреев обращался к нему на «вы», несколько сглаживало картину и даже льстило.

– Зачем я вам понадобился? – удивился Никита.

– Я взял на себя смелость некоторое время наблюдать за вашим домом. Теперь я вижу, что вы единственный, кто заметил, что с вашей гостьей что-то не так.

При упоминании Существа Никита невольно сжал кулаки. Что здесь вообще происходит?!

– Вы знаете Регину?

– Мы с ней не знакомы, но она привлекла мое внимание.

– Да уж, раз вы по чужим садам ходите! – хмыкнул Никита. – Идемте, я представлю вас родителям, им все и расскажете.

Однако Андреев не сдвинулся с места.

– Думаю, это неудачная идея.

– Почему?

– Вы сообразительный молодой человек, полагаю, вы и сами уже догадались, что ваши родители относятся к этому созданию не так, как следовало бы.

– Созданию? – эхом повторил Никита. Надо же, похоже, этот дед на его волне.

– Вы несколько изумлены, но не возмущены и не пытаетесь защитить ее.

– Не вижу причин ее защищать.

Он не спешил расслабляться. Возможно, этот дед – очередной психолог, подсланный его родителями. Проверить решили, как он относится к их воспитаннице, держит ли свое слово! Так что Никита решил поменьше болтать и побольше слушать.

А вот Андреев не сдерживался, он был уверен в каждом своем слове.

– Если я в вас не ошибся, вы уже должны были заметить, что с ней что-то не так. Когда она появляется в доме, начинают происходить... вещи. Плохие вещи. Многие люди не замечают этого, потому что не хотят замечать. Но всегда есть и другая порода – те, кто чувствует опасность заранее. Вы уже заметили, что с ней что-то не так, но вы не понимаете, что именно.

– И что же?

– Трудно сказать. Но в том, что она не человек, я почти уверен.

Это звучало как полный бред, и Никите следовало бы посмеяться, да только смеяться не получалось. Он вспомнил ту ночь и морду рептилии, склоненную над ним...

– Если не человек, то кто?

– Не знаю, – пожал плечами Андреев. – Это нужно исследовать, а она не хочет, чтобы ее изучали и сдерживали.

– Тут ее трудно обвинить!

– Да, само по себе это не преступление. Преступление – в методах, которые она использует. Некоторые вы, думаю, заметили.

– Например?

Никита внимательно следил за тем, чтобы не ляпнуть лишнего. А вот у Андреева не было причин сдерживаться. Не важно, врал он или говорил правду, он оставался уверен в себе.

– Меняется атмосфера в доме. Всеобщее внимание остается прикованным к ней. Люди, у которых воля послабее, начинают прислуживать ей. Те, кто подчинены ее воле, обожают ее. А вот те, кто умеет сопротивляться, рискуют ощутить все грани ее гнева – от ночных кошмаров до смерти. Вы впустили в свой дом создание, которое не знает любви и жалости, и оно куда опасней, чем выглядит.

– Да не впускал я ее! – поморщился Никита и тут же спохватился. – Хотя, конечно, я не верю в то, что она не человек!

– Вам и не обязательно верить мне. Достаточно того, что к нужным выводам вы пришли сами.

– Она не ходит...

– Ей не нужно ходить. Есть зло простое и понятное – оно нападает открыто. Есть то, что действует чужими руками. Но Регина играет по другим правилам, которые, увы, уже сгубили не одну жизнь.

– Вы делаете из нее какого-то монстра, – отметил Никита.

– А разве без причины?

– Кажется, да...

– Похоже, я пришел рановато, – сказал Андреев. – Вы не готовы верить мне.

– А в такое кто-то верит?

– В нужный момент. Но не верите мне – проверьте! Узнайте все, что было до вашего дома. Пройдите по дороге, которая привела ее сюда. Возможно, вы выясните много нового. Мою визитку оставьте. Запомните: я на вашей стороне. Если вам понадобится помощь... Нет, не так. Когда вам понадобится помощь, звоните мне.

* * *

Бабочки в животе – это фигня. Красивая байка просто. Если и есть какие-то бабочки, то они под кожей, по всему телу трепещут, и от них становится тепло, и щекотно, и хорошо. И ты кажешься себе легкой-легкой, хочется улыбаться, даже если причин нет.

Вот что Ульяна чувствовала, когда он обнимал ее, склонялся к ее уху, говорил только с ней. Она прекрасно понимала, что для Никиты все по-другому. Он вытащил ее в сад, потому что не хотел, чтобы другие слышали их разговор. Он доверял ей, как сестре, и вряд ли догадывался, что с ней творится. А она ничего не могла с собой поделаться, и никакие доводы рассудка не помогали. Он давно уже не вел себя так...

Но чем больше он рассказывал, тем меньше романтики оставалось у нее в душе, и улыбаться уже не хотелось.

Оказалось, что Никиту нашел какой-то мутный тип, который начал нести полную ахинею про Регину. А Никита мало того, что поверил сам, так еще и решил убедить в этом Ульяну!

– Сначала я тоже подумал, что он просто псих без справки, – пояснил Никита. – Но тем же вечером я погуглил этого мужика, посмотрел фотки, чтобы убедиться: это он. Он реально тот, за кого себя выдает, Улька! Он не просто препод – он профессор истории. Солидный мужик, уважаемый, такой пургу на пустом месте не погонит!

– Не знаю, на каком месте он что гонит, но пурга тут очевидна, – насупилась Ульяна.

Она все еще любила его – и вряд ли это когда-нибудь изменится. Но она не собиралась позволять ему оскорблять ее лучшую подругу... единственную подругу!

– Не факт, ой не факт! Слушай, как бы тебе ни нравилась эта девица, ты должна признать: она странная!

– Она болеет!

– Возможно. Только вот, подозреваю, не тем, чем все думают!

А ведь Ульяна надеялась, что он образумился. После того, как мама и папа поговорили с ним, он казался таким смиренным! Ульяна ожидала, что очень скоро он подружится с Региной, но нет, вместо этого он связался с каким-то престарелым психопатом!

То, что этот Андреев – профессор с кучей наград, вовсе не означает, что он адекватный.

– Дело не только в Андрееве, – быстро добавил Никита. – Когда я убедился, что он действительно назвал мне свое имя, я решил последовать его совету. Я стал собирать сведения о семье, в которой раньше жило Существо...

– Не называй ее так, сто раз просила!

Защищать себя Ульяна не умела, у нее это никогда не получалось. А вот вступаться за кого-то другого оказалось легче, чем она думала.

– Ладно, ладно, не буду, – пообещал Никита. – Хотя я все равно считаю ее Существом!

– Да уж понятно... Лучше скажи мне, как ты вышел на ее предыдущую семью! Я, например, вообще не знаю, кто это.

– Я тоже не знал, но помогла Ленка.

Ульяна только глаза закатила: теперь все понятно! Леночка была ассистенткой их матери по благотворительному фонду. Никита помогал с некоторыми проектами, так они и подружились. Несмотря на разницу в возрасте, Леночка была влюблена в него даже больше, чем Ульяна. Хотя за это ее сложно осуждать!

Никита про эту влюбленность, похоже, знал, но обычно по-рыцарски игнорировал чувства дамы, а теперь вот решил поступить иначе. Понятно, что Леночка воспользовалась первой же возможностью угодить ему и собрала сведения, которые его совсем не касались.

– Гурьевы, вот ее прошлая семья, – продолжил Никита. – Они и правда специализировались на помощи детям с серьезными болезнями, это наши мне сразу сказали. У них там девица с ДЦП жила, еще одна – даунша... короче, все такие.

– Ты можешь говорить об этом с меньшим пренебрежением?!

– Да нет никакого пренебрежения, не выдумывай! Я к ним с сочувствием отношусь и все такое, но история ведь не об этом! Эти Гурьевы много лет были на хорошем счету: он – врач, она – медсестра, условия для детей-инвалидов идеальные. А потом они взяли Сущест... твою обожаемую Регину.

– И что?

– А то, что она и месяца у них не прожила, как в той семье девочка погибла!

– Ой...

Ульяна такого не ожидала. Она не знала эту семью и понятия не имела, что там за погибшая девочка. Но само упоминание смерти всегда действовало на нее угнетающе. Она и мысли допустить не могла, что это связано с Региной!

– Что с ней случилось? – спросила она.

– Упала с крыши. Там девочка аутизмом страдала, типа не уследили... В итоге решили, что это был несчастный случай, хотя и рассматривали версию с самоубийством.

– Но при чем здесь Регина? Она не могла столкнуть эту девочку с крыши!

– Зато могла довести до самоубийства, – парировал Никита. – Тебе это вообще нормальным кажется: жила семья много лет, горя не знала. И тут появилось Существо, и сразу – смерть!

На этот раз у Ульяны не было сил возмущаться. Действительно, странное совпадение... Однако все равно совпадение, иначе и быть не может. Регина очень добрая и внимательная. Все эти дни она поддерживала Ульяну, спасала от самоубийства, а не подталкивала к нему!

Никита уловил перемены ее настроения и, вдохновленный ими, продолжил:

– Дальше семья и года не продержалась. Никто не знал, что у них там происходило, но соседи жаловались, что иногда слышали из квартиры странные звуки... Как будто удары, шелест, скрежет... Ничего не напоминает?

– Я отказываюсь отвечать!

– Ну и не отвечай, ты только слушай внимательно. Закончилось все тем, что муж набросился на жену. Он, врач, избил ее так, что она попала в реанимацию. Это, по-твоему, нормально? Он раньше пальцем ее не трогал – и сразу такое! Он сейчас ждет суда. Она выжила, но останется инвалидом, одна она о детях заботиться не сможет. Их вернули в приюты, всех, в том числе и Регину. А теперь это счастье досталось нам!

– Да, вот только у нас бесишься ты, всем остальным хорошо с ней! – не выдержала Ульяна.

– Андреев предупреждал меня, что она умеет входить в доверие...

– Андреев нам – никто! А я твоя сестра, и я говорю тебе, что Регина – очень хороший человек.

На самом деле ей хотелось сказать даже больше. О том, что Регина давно уже общается с ней, она все понимает, она гораздо мудрее своих лет... Но Ульяна сдержалась. Она ведь обещала молчать – значит, она будет молчать.

– Согласись, если бы она обманула тебя, ты бы говорила то же самое, – указал Никита.

– Издеваешься, что ли?

– Пытаюсь отделить факты от эмоций!

– Так чего ты хочешь от меня? – устало спросила Ульяна. Бабочек больше не было. Любить его иногда становилось до чертиков трудно.

– Просто держись от нее подальше.

– Но мне нравится с ней общаться!

– А ты проведи эксперимент: попробуй не быть с ней такой милой и посмотри, как она отреагирует!

– Это обидит ее, – нахмурилась Ульяна.

– Ничего, если она такая хорошая, переживет! поймет и простит.

– Ну и сколько я должна так издеваться над ней? Пока не доведу до самоубийства, как она якобы поступила с той несчастной девочкой из предыдущей семьи?

– Нет, конечно, не утрируй! – поморщился Никита. – Просто дай мне время. Я ведь не закончил разбираться в этом деле.

– Э-э... А в чем еще тут можно разобраться?

– Я попросил Лену узнать, куда направили других детей из семьи Гурьевых.

И снова он использует влюбленную Леночку! Может, прямо сейчас он пытается точно так же использовать влюбленность сестры? Эта мысль Ульяне не понравилась.

– Зачем тебе те дети?

– Хочу поговорить с кем-нибудь из них, – пояснил Никита. – Пусть расскажут, что они думают про свою сестричку!

Мысль была здравая, и тут Ульяне отчаянно хотелось подыграть ему... да не получалось.

– Ник, может, просто успокойся? Ты почти отбыл наказание, у тебя все хорошо, вы с Региной мирно существуете рядом!

Никита бросил на нее изумленный взгляд – как будто она сказала полнейшую глупость. Ульяна даже разозлилась на него за это: нельзя же все время считать себя самым умным!

– Ты правда так думаешь? Что у нас с ней мир, дружба, жвачка?

– А разве нет?

– Тем больше у меня причин докопаться до истины, – заметил Никита. – Ты мне не поможешь, это я уже вижу. Я об одном прошу: держи дистанцию, хотя бы недолго. Я – твой брат, верь мне, а не ей. Когда я докажу, что она виновна, еще сама мне спасибо скажешь!

– Ты что, не видишь, что ты делаешь? Ты даже говоришь «докажу, что она виновна». Ты не пытаешься разобраться, ты все для себя решил!

– Ну, если она – невинная овечка, ей ничего не грозит, правда? Улья, не помогаешь – не мешай. И не смей ничего рассказывать Существо!

– Думаешь, она сможет помешать тебе, борец за справедливость?

– Мы не знаем, что она может! Уля, я серьезно! Ни слова ей, поняла?

Он никогда раньше на нее так не смотрел – раздраженно, зло... В какой-то момент Ульяне даже показалось, что он ее ударит. Он этого не сделал – но ощущение она запомнила. Она еще не видела Никиту таким! Его неприязнь к Регине превращалась в одержимость, и это настораживало.

– Я поняла тебя.

– Вот и молодец. Ладно, я побежал, у меня сегодня тренировка до семи. Ире передашь?

– Конечно.

– Лады.

Она дождалась, пока он уйдет. Ульяна слышала, как хлопнула дверь в прихожей, а потом смотрела из окна, как Никита отдаляется от дома.

Когда велосипед скрылся среди деревьев, она направилась в подвал.

Она не собиралась хранить его секреты, они значили для нее куда меньше, чем Настоящая Тайна. Ульяна ведь даже не пообещала ему, что будет молчать, она просто сказала, что поняла – это не одно и то же!

Она ни на секунду не усомнилась, что ее брат собирается совершить глупость. И только Регина была достаточно мудра, чтобы его остановить.

Глава 4

Я слышу скрежет снизу, прямо из-под моих ног.

А ведь я все еще в подвале.

Понятно, что эта встреча простой не будет. С Дианой просто не бывает. Но она умеет отвлекать – а Никите сейчас нужно было отвлечься.

Ему и самому уже начинало казаться, что он заиклился и скоро превратится в психа. Выйти на семью Гурьевых, бывших опекунов Существа, никак не получалось, и это его злило. По-настоящему! Хотя казалось бы: чего тут злиться? Вот тогда он и сообразил, что начинает терять контроль над ситуацией.

А тут еще Диана позвонила, рассказала про эту вечеринку, да и срок его домашнего ареста вышел. Авиновы, кажется, были даже рады, что он перестал торчать дома и снова начал тусоваться с друзьями.

Точнее, с бывшей. Но бывшей Диана стала по собственному желанию, Никита на этом не настаивал. Он ее не любил, зато она ему нравилась, ему было хорошо рядом с ней. Это Диане показалось, что он уделяет ей слишком мало внимания и не пляшет вокруг нее с бубном, как ей хотелось бы. Она, скорее всего, решила подстегнуть его: «Может, разойдемся?» А он возьми да ляпни: «Без проблем!»

Без проблем не получилось, он нарвался на скандал. А Диана, даже если она не хотела такого исхода, теперь уже не могла не уйти. Она ж гордая! Поэтому примерно на месяц она исчезла с горизонта. Это расстраивало Никиту, но не слишком. Да у него даже времени не было тосковать, слишком многое в его жизни изменилось!

Потом Диана, видно, соскучилась и стала звонить сама. Она не раз заявляла, что они теперь друзья. Просто бывшие, которые остались в хороших отношениях – начиталась в своих любимых журналах такого! Но Никита прекрасно понимал, что все куда сложнее.

Ему сейчас не хотелось путаться еще и в этих интригах. Никита не думал о тайных смыслах, он просто принял приглашение на вечеринку. Диана, конечно, обрадовалась, ей было приятно его общество, а ему было приятно видеть ее рядом.

Она была очень красивой, этим и привлекла его когда-то. Точеная фигура, светлая кожа без единого пятнышка, он такой ни у кого больше не видел, пронзительные голубые глаза и медовые волосы, которые она теперь выкрасила в черный, потому что так модно. Но это тоже неплохо, ей все идет. Она, гордо именовавшая себя просто подружкой, льнула к нему всем телом, когда они входили в клуб.

Вечеринка была тематической, да еще и восемнадцать плюс, так что им не полагалось быть здесь. Но Никиту и Диану в клубе знали, проблем не возникло. Спустя пару минут они уже были в наполненном ревушей музыкой зале, среди персонажей.

По-другому здешнюю толпу назвать было нельзя. На входе всем гостям выдавали маски в стиле венецианского карнавала. Сочетание получалось то еще! Тела – из этой эпохи, в сияющих платьях, в костюмах, в джинсах. Лица – откуда-то из других времен, и на танцполе вдруг оказываются хохочущие арлекины, загадочные дамы, кошки, птицы... даже чумной доктор, маска-клюв с настороженным взглядом. Странное зрелище, из-за которого казалось, что все это – одна кислотная галлюцинация.

Но правила игры одни для всех, поэтому и Никита нацепил маску черного арлекина, которую ему дали. Диана, конечно, выбрала кошку, но иначе и быть не могло. С тех пор, как она начала гордо именовать себя просто другом, она стала особенно кокетливой и приходила на встречи в совсем уж коротких платьях.

Нет, намеки Никита понимал, знал, что она хочет вернуть все на круги своя. Но сейчас с этим было туго. Диана любит внимание, с ней нужно встречаться каждый день, тогда она

будет считать, что у них любовь до гроба. А куда ему заниматься ею каждый день, когда у него Существо на уме?

Так что сексуальной кошечке предстояло подождать. Никита не слишком волновался на этот счет: если она за месяц не нашла ему замену, то уже и не найдет.

Диана вытащила его в центр танцпола, прижалась, говорила на ухо, чтобы он услышал ее через грохот музыки.

– Какой ты мрачный стал!

– Я и был, – напомнил Никита. – Ты всегда говорила, что я мрачный. Как ты там меня назвала? Старый дед?

– Ой, только не говори, что ты на шуточки обижаешься!

– Я не обижаюсь. Я просто указываю, что я для тебя всегда мрачным был.

– Но не настолько! Было лучше. Что с тобой случилось? Мне говорили, что у тебя в доме появилась новая сестрица, примерно твоего возраста. Уж не в ней ли дело?

Просто так ей это сказать не могли. Получается, кто-то из его друзей докладывает Диане об их разговорах! Это было неприятное открытие и все же предсказуемое. Диана умела добиваться своего.

Теперь она толком не разобралась в ситуации, но уже ревновала. Не потому, что любила – Никита давно убедился, что она любит его не больше, чем он ее. То есть, совсем никак. Однако она считала Никиту своей территорией, что ли, и не собиралась терпеть там возможную конкурентку.

– Не в ней, – соврал Никита. – Но если тебе рассказали, что она есть и ей шестнадцать, не могли умолчать и о другом.

– Ага, было дело, – признала Диана. – Сказали, что она инвалидка. Ну и что? Некоторых и к таким влечет, у всех свои фетиши!

– Так, останавливай этот разговор прямо здесь, пока не наболтала лишнего.

– То есть, она тебе все-таки нравится?!

– То есть, я не хочу, чтобы ты обсуждала инвалидов и фетиши. Мы сюда не болтать пришли!

Он не был большим фанатом вечеринок, но сейчас нечто настолько примитивное спасало. Никита старался не думать ни о чем, кроме музыки и водоворота странных лиц-масок, окружающих его. Как будто все это – иллюзия, не по-настоящему, а значит, и проблем в этом мире нет!

Да и Диана старалась всюю. Она обнимала его, не отпускала его руку ни на секунду, она, сама того не зная, служила якорем, приковывавшим его к настоящему моменту. Хотя если бы он решился назвать ее якорем вслух, узнал бы, насколько острые у нее ногти!

Так что поначалу все шло неплохо, но долго это не продлилось.

Первым тревожным сигналом были тени, мелькавшие на границе его зрения. Вроде как повода для беспокойства не было, это же ночной клуб, все двигаются, мерцают огни... Конечно, здесь есть тени и неразличимые силуэты! Но на сей раз все было иначе. Эти темные пятна все время оставались на периферии, они ускользали от Никиты, не позволяя рассмотреть себя. И они двигались не в такт музыке. Казалось, что там, по углам зала, притаились хищники, вышедшие на охоту.

Он пытался игнорировать это, убеждал себя, что ему просто чудится, но стало только хуже. Движение усилилось, стало ближе – и он уже различал, что это. Среди вспышек неоновых огней и танцующих тел мелькали черные пряди волос. Они, легкие и гибкие, извивались в воздухе, как клубы дыма. Но они были настоящими, совсем такими, как ночью, когда они душили его! Никита не видел, откуда они тянутся. Существа не могло быть здесь, никак, оно осталось дома. Но почему тогда это происходит? И почему остальные не замечают эту дрянь?

Он уже не мог просто танцевать. Он замедлился, а потом и вовсе остановился, оглядываясь по сторонам. Он пытался найти в толпе знакомое лицо, изуродованную морду рептилии, но напрасно. Зал по-прежнему заполняли яркие маски с застывшими, будто издевающимися над ним ухмылками. Кто вообще это придумал?!

Перемена в его настроении не укрылась от Дианы, она тоже остановилась.

– Ты чего? – удивленно спросила она.

– Ты... ты не видишь их?

– Кого?

– Волосы!

Они не исчезали. Даже когда он остановился и заговорил с Дианой, они остались рядом! Но они постоянно двигались, ускользали, их невозможно было схватить.

Его спутница по-прежнему ничего не замечала. Она, как это бывало и раньше, легко поддавалась раздражению.

– Ник, ты прикалываешься так? Какие, на хрен, волосы? Здесь повсюду волосы и перья, это же карнавал!

– Я не об этом... Такие... черные... Ты их видишь?

Диана растерянно огляделась по сторонам и разозлилась еще больше.

– Это прикол? Или ты что-то курнуть успел? Сними маску!

Никита растерянно стянул маску, он даже не думал о ней. Все его внимание было поглощено черными нитями, дымкой вившимися над полом. А пока он следил за ними, Диана внимательно всматривалась в его глаза.

– Зрачки, вроде, не расширены, – нахмурилась она. – Значит, ты не под кайфом, а просто издеваешься надо мной!

– Нет...

– Кому другому это расскажи! Слушай, если не хотел приходить – торчал бы дома со своей родней. Зачем мне кайф ломать?

– Да я и не собирался!

– Вот и хорошо, потому что я тебе не позволю! Я буду развлекаться!

Она отпустила его руку, но далеко не ушла. Она отступила на шаг и снова танцевала – уже не с ним, а перед ним. Скорее всего, для него. Диана извивалась гибко и умело, словно желая подчеркнуть, что он потерял.

В другое время Никита был бы впечатлен. Но сейчас ему было совсем не до того, он уже не успевал отслеживать все резкие движения, все рывки черной паутины. Он старался не бояться, повторял себе, что ему просто чудится. Как же иначе, если никто больше этого не видит?

Но самообман работал недолго, ровно до тех пор, пока одна из прядей не рванулась к нему. Она петлей захлестнулась вокруг его шеи, доказывая, что это вовсе не иллюзия. Ее хватка была настоящей! Как и боль, и недостаток воздуха...

Она не перекрыла кислород полностью, но теперь это казалось не милостью, а издевательством. Она словно желала продлить агонию жертвы! Никита мог дышать, однако совсем чуть-чуть. Воздух, раньше проникавший в легкие живительным потоком, теперь превратился в жалкие крохи, которыми ему приходилось довольствоваться. А этого не хватало, только не здесь, не в душном клубе!

Никита задыхался. У него кружилась голова, перед глазами шли темные пятна, и это было куда хуже, чем тот случай ночью. Он пытался сорвать прядь с горла, но тщетно. Он чувствовал, как волосы душат его – а его пальцы не могли ничего нащупать. Он только понапрасну исцарапал себе шею.

Диана заметила, что с ним что-то не так, остановилась, удивленно наклонила голову.

– Ты чего?

– Помоги мне! – с трудом произнес Никита. Обе его руки оставались прижатыми к шее. Это не помогало, однако действие было скорее инстинктивным. Ему казалось, что если он уберет руки, он просто сдастся.

– Помочь? – растерялась Диана. – А что с тобой происходит?

– Она душит меня!

– Кто?!

– Вот, на шее...

– Там же ничего нет!

Она не притворялась – да и кто стал бы притворяться в такой ситуации? Диана действительно не видела ту прядь волос, которая лишала Никиту жизни. Но прядь была! Никита видел ее, черную, тугую, в отражении – зеркал в клубе хватало!

Волосы, душившие его, тянулись в сторону, но не к человеку, а куда-то вниз. К полу? Нет, к голове, прижатой к полу – и туловища рядом с ней не было. Только она, отрубленная, тянувшаяся за живыми волосами мертвым грузом. Это усилило страх, сердце колотилось быстрее, и нужно было больше воздуха, но воздуха как раз не осталось. Для Никиты это была пытка, для Дианы – просто шутка.

– Ай, да ну тебя! – махнула рукой она. – Теперь я понимаю, почему мы с тобой расстались! Прикалывайся со своими друзьями, я не оценила!

Она растворилась в толпе, прежде чем он успел сказать хоть слово. Рядом были люди – и все же Никита понял, что остался совсем один.

От этой иронии, злой и беспощадной, становилось только хуже. Они могли бы спасти его... наверно. Если бы видели, что его нужно спасать. Если бы знали, как. А он даже злиться на них не мог! Мысли путались, его сознание было переполнено ужасом. Ему казалось, что существо, от которого тянутся волосы, подползает к нему, оно все ближе... Когда он потеряет сознание от недостатка воздуха, он упадет на пол – прямо перед этой тварью!

Никита боялся, что все уже предрешено, голова кружилась так, что он едва стоял на ногах, он ничего не мог изменить. Внезапно он почувствовал, как кто-то берет его за руку и тянет за собой, мягко, но настойчиво.

Обернувшись в ту сторону, он отпрянул от ужаса и едва удержался на ногах. Перед собой он видел золотые черты человека и птицы... Его замутненному недостатком кислорода мозгу потребовалось время, чтобы понять: это маска. Рядом с ним оказался тот самый чумной доктор, которого он видел раньше. Он не говорил с Никитой и не пытался помочь, но вел куда-то.

Сам он ничего не изменил бы, Никите только и оставалось, что поддаться. Поначалу идти было тяжело: волосы держали его, душили, и ему казалось, что он тянет за собой вес существа, которое в него вцепилось. Но с каждым шагом становилось легче, и он сражался за эти шаги. У него появилась надежда!

Ему показалось, что прошла целая вечность, прежде чем черная прядь отпустила его, стальная хватка исчезла, и он снова мог дышать. Он раньше и не представлял, какое это удовольствие: просто дышать, не думая о том, что воздух вдруг закончится. Первые минуты он только это и делал, благодарный за то, что из него не вырвали саму жизнь.

Но постепенно головокружение слабело, темные пятна отступили, и он смог осмотреться по сторонам.

Оказалось, что он теперь на крыше. Дверь, ведущая сюда, по идее, должна быть недоступна гостям. Но теперь она осталась распахнутой, именно через нее Никита попал на просторную площадку, со всех сторон окруженную высокими перилами. Видимо, летом здесь тоже устраивались вечеринки, а пока было слишком прохладно. Но ему нравилась эта прохлада, она оживляла его.

Внизу по-прежнему гремела музыка, а здесь было тихо. Вместо неоновых огней над ним раскинулись звезды, их скромного света было достаточно, чтобы увидеть: никаких черных прядей рядом с ним больше нет, неведомая тварь осталась в клубе.

Но долго миг спокойствия не продлился. Никита успел заметить, что чумной доктор все еще стоит неподалеку, шагах в пяти, и наблюдает за ним. Это было нечто странное: невысокое худое существо, завернутое в просторный плащ. Капюшон надежно скрывал его волосы, а птичья маска – лицо. Здесь, во тьме, его спаситель казался огромной птицей, с любопытством наблюдающей за человеком.

А вот на то, чтобы задать ему хоть один вопрос, времени уже не хватило. Внимание Никиты снова привлекло небо, потому что там, прямо над клубом, с невероятной скоростью собирались свинцовые тучи.

Так не могло быть. Ветра же не было! Хотя и с ветром тучи не прилетели бы так быстро. Они словно появились из ниоткуда – и разразились проливным дождем. Да еще каким...

Сперва Никите показалось, что вода просто темная, мутная – грязная, что ли? Но фонари, горевшие на парковке возле клуба, позволили разглядеть, что все не так просто. С неба водопадами лилась кровь. Густая, багровая, она пенилась на земле, она покрывала все вокруг, от нее невозможно было укрыться. Минута – и она пропитала одежду Никиты до последней нитки, окрасила его лицо, и он чувствовал на губах ее солоноватый вкус.

Больше он выдержать не мог. Безумие было слишком резким, слишком очевидным. Похоже, и кровавый дождь никого не напугал, люди в клубе продолжали веселиться, и лишь Никита сходил с ума. Его родители были правы, он болен. Ему нужно лечиться, вот в ком проблема, а не в Существо! Сначала ночное видение, потом – удушье, теперь – вот это...

У него не было сил. Он был один против всего и всех, он больше не мог вот так сражаться. Он готов был сдаться и сломался бы, если бы был один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.